Автор: Покатаева М. (Россия)

Быть подлинным означает «быть самим собой». Выдвинуть такое утверждение — просто, не просто — понять его. Кто есть это «Я», которому мы можем соответствовать или не соответствовать? Как мы можем быть уверены в собственной честности, когда отвечаем на этот вопрос? Есть ли вообще такая вещь, как «Я»? И если все-таки «Я» есть, то нужно ли нам ему соответствовать?

Простая мысль М. Хайдеггера в «Бытие и Время» (1927) о том, что мы не всегда обладаем бытием, что мы не всегда есть, оказалась революционной для всей мировой культуры мысли, то есть для всей мировой философии. Именно на таком видении нашей жизни можно строить размышления о всей проблематике правды и самообмана. Недаром свой первый визит на территорию бывшего СССР (Литва, 2002) такой выдающийся хайдеггерианец как Эмми ван Дорцен начала с лекции на тему «Самообман». Нам представляется хайдеггеровское понимание подлинности и связанных с нею таких явлений как тревога, голос совести, решительность, беспокойство, праздность требует внимательного изучения. Вопрос, в котором надо при этом определиться, — является ли подлинность чем-то нужным и желательным. Если мы придем к положительному заключению по этому поводу, то нам нужно будет задаться вопросом о том, как практически мы можем стать подлинными и как мы можем преодолеть то состояние не-подлинности, в котором, по-видимому, склонны пребывать значительную часть своей жизни.

Хайдеггер вводит понятие «подлинность», подлинное бытие, Dasein. Как оно отличается от спокойного безразличного бытия в классической философии и в классических науках, включая, конечно, и психологию! Когда наше бытие — Dasein, мы постоянно как-то относимся к «Я-есть» и «Ты-есть», — это и значит находиться в состоянии «Я». А как-то относиться к себе — значит делать некоторый выбор способа бытия собой.

Что значит выбор способа бытия собой?

Такой выбор, возможно, не всегда и не вполне осознан и обдуман, но, как заявляет Хайдеггер, мы, несмотря ни на что, обязательно проявляем себя в определенной модальности по отношению к самим себе. В этом — вся природа Dasein-тревоги. Размышления Хайдеггера заставляют задуматься о собственном бытии в мире и нашей озабоченности по поводу собственной персоны. Каким или какой быть, как быть, с кем быть, во имя чего быть и какой ответ правилен именно для меня — это проблема, и наше отношение, наше поведение в отношении нашего собственного бытия имеет приоритетную значимость по сравнению с тем же традиционным философским вопросом — чем же и(или) кем мы все-таки являемся. В этом смысле Dasein есть собственная возможность и способность быть тем или иным.

Что ещё можно сказать о Dasein? Мы наделены способностью «выбирать» себя и побеждать себя; мы можем также и потерять себя, и никогда не победить себя, и только казаться так делающим. Но казаться только при том, что есть действительно нечто, что может быть подлинным, не кажимостью, и мы, даже если обманываем других и себя, все равно подозреваем, что обманываем и обманываемся, и что возможно иное

бытие, без обмана и самообмана.

Способность быть подлинным, по меньшей мере, всегда равна способности не быть таковым. Быть Dasein — значит перманентно находиться перед проблемой победы над собой. Или поражения. Мы можем жить неподобающим, неподлинным образом. Но это именно наш выбор, и в этом проявляется Dasein. Всегда есть возможность изменения сделанных выборов, и это тоже проявление Dasein.

Как заявляет Хайдеггер, прежде чем овладеть подлинностью, мы пребываем в состоянии не-подлинном. Не-подлинность — условие, при котором происходит наше повседневное существование; оно является, как и раньше, нашей жизненной позицией по умолчанию. Не-подлинность остается оборотной стороной медали подлинности нашего бытия в мире, и подлинность может быть извлечена из нее.

Мы брошены в мире, и раз так, мы теряемся среди других людей. Не-подлинность есть «определенный вид бытия-в-мире — бытие, которое полностью увлечено «миром» и Dasein-с-другими в состояние «Они». Не-бытие-в-мире может быть позитивной способностью такой сущности, которая в своей сущностной тревоге поглощена миром. Этот род не-бытия мог быть признан своего рода бытием, который наиболее близок Dasein и в котором он проводил большую часть времени».

Другими словами, мы можем быть не-подлинны не просто из лени, а в силу увлечённости миром, вовлечённости в мир, забвения вопросов о себе, о том, как я существую и как надобно мне существовать через это, через стремление спрятаться от себя в толпе. Праздные разговоры, любопытство и поверхностность — вот характерные признаки состояния провала-в-не-подлинность. Хайдеггер говорит: «бытие-в-мире само есть искушение». Оно искушает, поскольку, когда мы разрешаем себе бытие такого рода, нам начинает казаться, будто бы все в порядке. Так, будто бы любопытствуя, болтая и ни на чем специально не останавливаясь, мы понимаем и общаемся с миром на короткой ноге, и таким образом, не должны беспокоиться и задаваться лишними вопросами по поводу самих себя.

Я отдаляюсь от себя, отворачиваюсь, скрываюсь в серой массе и, тем самым, предаю себя.

Ускользающее бытие-в-мире, искушая самое себя, в то же время успокаивает.

По мере того как Dasein поддается этому успокоению, он, между тем, все более ускользает от самого себя. Мы отчуждены от самих себя, находимся вне контакта с тем, что мы есть, и с тем, что есть бытие, и с тем, что все это действительно значит. Это отчуждение закрывает от Dasein его подлинность и возможности, даже самую возможность искреннего провала.

Хайдеггер утверждает: «Если Dasein обнаружит мир его собственным способом и несет его закрытым, если он открывается сам себе в своем подлинном бытии, тогда эта находка «мира» и раскрытие Dasein происходит как преодоление скрытого и тьмы, как снятие масок, которыми Dasein преграждает собственный путь».

Как я могу это почувствовать и узнать? Мы «просыпаемся» перед лицом возможности собственного бытия благодаря переживанию тревоги. Тревога есть ключ к нашей подлинности.

Как говорит об этом Хайдеггер, Dasein раскрывается в своей подлинности именно благодаря тревожному состоянию ума в исходном смысле слова.

В этом секрет Dasein, что он — возможность, а не действительность. Мы — не просто конкретное что-то, но скорее набор возможностей, потенциальность бытия. Осознать

свою потенциальность — значит встревожиться, и наоборот: встревожиться — значит осознать свою потенциальность для бытия. Таким образом, тревога есть непременное условие подлинности. Подлинный человек есть человек тревожный.

Тревога проявляет некоторые основные аспекты нашего бытия. Она проявляет для нас даже не столько нашу подлинность либо не-подлинность, но скорее самую возможность их обеих. Она показывает нам наше фундаментальное унифицированное бытие в мире, то, о чем мы тревожимся. Мы тревожимся потому, что мы внутренне не завершены, мы не в безопасности, мы не сущностны. Мы тревожимся, потому что постоянно чего-то хочется, постоянно чего-то не хватает в нашем бытии-в-мире. Мы тревожимся потому, что мы озабочены. Мы тревожимся потому, что мы — это мы, но нам нас не хватает; это значит, что мир и другие люди значимы для нас.
Озабоченность вещами, которые Хайдеггер характеризует как тревогу и заботу о других, то, что им названо озабоченностью, — вот что нас определяет. На деле выход за пределы «Я» к миру в состоянии заботы есть ядро нашего бытия. Этот феномен заботы онтологически присущ человеку, и это не двигатель, а скорее сама наша человеческая природа.

Я выхожу за пределы своего «Я», мне чего-то не достает и не хватает, и это вызывает тревогу за себя и за других, меня это заботит...

Феномен заботы в своей полноте есть сущностное нечто, что не может быть расчленено, и потому все попытки проследить его происхождение от неких особых действий или побуждений типа воли и желания либо от необходимости и зависимости, равно как воссоздать его из вышеперечисленного, будут неудачны. Воля и желание коренятся в такой онтологической необходимости Dasein, как забота.

Подлинность есть скорее принятие честности по отношению к сущностной природе озабоченности, которая выталкивает нас вовне, в мир других людей, как правило, не-подлинным путем провала.

«Я» всегда снаружи, впереди себя, в мире и с другими. Оно не может быть просто в себе и наблюдать за собой в изоляции, не совершая при этом насилия над собственной природой. Даже когда Dasein не-подлинен, он все равно тянется вовне, пребывая впереди себя. И именно это постоянное пребывание вне себя создает Dasein возможность, вероятность и необходимость быть и подлинным, и не-подлинным.

Феномен совести возвращает нас вновь к возможности быть собой. Совесть не есть нечто отдельное от Dasein. Она есть своего рода сопутствующее обстоятельство Dasein, и она находится в нем постоянно. Это основное настоящее, которое не позволяет себе проявиться в звуке. «Совесть ведет беседу исключительно и постоянно молча».

Совесть, тем самым, является ключевым аспектом Dasein, который погружает Dasein в своеобразное умалчивание о его собственных действиях и его собственных выходах вовне за пределы себя. Совесть можно рассматривать как составную часть озабоченности. Это то, что сохраняет Dasein честным перед собой и дает возможность быть подлинным.

Быть подлинным — быть честным перед самим собой благодаря совести...

Что это, что порождает голос совести? Сам Dasein.

Этот зов напоминает нам о нашей собственной потенциальной возможности-бытия. Зовущий — Dasein, которому необходимо уделить себе внимание.

Хайдеггер показывает, что «Я», к которому обращен зов, остается неопределенным и пустым. Dasein всегда остается, таким образом, неопределенным и проявляется истинно

в существовании лишь в отношениях с миром. Аналогично и то, что зовет, остается неопределенным и не может быть ни во что воплощено. Что мы знаем об этом зове, так это то, что он рождается из чувства вины, из ощущения долженствования. Вина определена как отсутствие, ощущение того, что что-то, что должно и может быть, отсутствует. Это что-то есть способность Dasein быть верным своим возможностям бытия.

Хайдеггер также заявляет, что переживание вины не развивается из чего-либо, что ошибочно и влечет за собой вину, но скорее возникает оттого, что подлинное бытие, Dasein — не может быть невиновным.

То, что помогает Dasein обрести себя, найти себя и освободить себя, — это голос совести, совесть. Совесть — это феномен Dasein, феномен человеческого присутствия, а не некая случайная или спорадическая данность. Совесть дает понять, размыкает человеческое существование. Dasein как совесть освобождается от мира анонимности. Более пристальный анализ совести, полагает Хайдеггер, вынуждает нас интерпретировать ее как зов. Зов — это модус речи. Зов совести представляет собой призыв стать самим собой, обрести свою собственную подлинность, собственность своего существования. Наряду с этим совесть предполагает не только зов, но и некий ответ. «Зову совести,— пишет Хайдеггер,— отвечает возможное слышание». В самом Dasein заложена способность и воля иметь совесть. Когда мы увлечены публичностью, мы прослушиваем себя, теряем себя в мире анонимности. Но в Dasein, полагает Хайдеггер, все-таки заложена способность вернуть себя, найти, обнаружить самого себя именно благодаря этому зову совести. Зов прерывает спящее, неподлинное состояние человеческого существования, пробуждает слышание. Причем если обыденное, публичное состояние человека, его пребывание в мире анонимности захвачено болтовней, двусмысленностью, шумом, информацией, то зов «должен звать бесшумно, недвусмысленно, без зацепок для любопытства». Зов зовет бесшумно, без голоса, молчаливо. Но одновременно этот зов совести для человека как удар молнии, он внезапен, он сродни некому потрясению. Зов — модус речи. Хайдеггер спрашивает, что именно призывается этим зовом? Что является искомым в этом зове совести? По-видимому, напоминание о возможности подлинной жизни, тоска об утерянном рае Dasein-бытия. Зов совести настигает человека и призывает его вернуться к своей самости. Что зов совести говорит человеку, как совесть уговаривает человека обрести, вернуться к своей собственной самости? Зов Ничего человеку не говорит. Он ничего не высказывает, не дает справок о мировых событиях, ему как бы даже и нечего сказать. Он вовсе не призывает, не вызывает человека на некий диалог с самим собой. Совесть ничего не говорит человеку. Зов обходится без всякого говорения. Совесть говорит единственно и неизменно в модусе молчания. Зов зовет без всякого озвучания, говорит в тревожном модусе молчания. Зов зовет человека, Dasein от многословности болтовни, от несобственного существования назад к молчанию, к молчаливой подлинности, к подлинному человеческому умению-быть. В совести Dasein человеческое присутствие зовет само себя. Зов совести зовет против ожидания и против нашей воли. С другой же стороны, зов все-таки, несомненно, идет именно от самого человека, от самого Dasein, а не от кого-то другого. Зов идет от меня и все же сверх меня. Принимая зов, человек принимает некий вы-зов, он выбирает самого себя. Понимание зова — это всегда выбор, но не совести, потому что совесть не может быть выбрана; совесть всегда заложена в основе человеческого присутствия. Принятие зова совести — это, по Хайдеггеру,

свобода хотеть-иметь-совесть, свобода обнаружить совесть. Совесть обнаруживает себя как зов заботы. Совесть и зов совести имеют свою возможность, могут существовать только потому, что человеческое существование в своей основе, в основе своего бытия есть забота. Прежде всего в голосе совести обнажается забота о том, как «Я» живу. В голосе совести проявлена и вина. Но это не обычная, привычная онтическая вина, а онтологическая, экзистенциальная. Обыденное понимание вины означает прежде всего вину в смысле некой провинности, когда за человеком числится что-то плохое. Вина здесь берется в смысле быть виновником чего-то, оказаться виноватым, провиниться в чем-то и т.д. Все эти характеристики вины, конечно же, имеют место. Однако, полагает Хайдеггер, такое онтическое понимание вины все-таки недостаточно. Бытие-виновным, вина изначально лежит в основе, заложена в фундаменте человеческого присутствия, существования. Невозможно человеку прожить, не теряя Dasein, так же как и невозможно прожить, не испытывая тоски по «потерянному раю». Бытие-виновным — это не некое этическое состояние, не некое онтическое положение человека, а онтологическая характеристика. Бытие-виновным необходимо рассматривать как бытие-основанием-для, то есть как некое онтологическое условие для возможности существования самой совести. Вина, как нечто глубоко лежащее в основании обыденного человеческого существования, и есть то, на основе чего только и может существовать совесть и благодаря чему эта совесть может взывать к нашей самости, к нашей собственности, к подлинности. Бытие-виновным означает бытие-задействованным, быть-в-мире, а мы всегда в мире — это уже и означает быть виновным. Быть-виновным — это и есть собственно быть.
Хайдеггер для меня весьма сложен в понимании и интерпретации.

Из всего вышесказанного следует, как я это понимаю, что, говоря о совести, Хайдеггер интерпретирует ее как зов. И зов — это призыв к человеческому бытию стать самим собой, обрести свою подлинность. Зову совести отвечает возможность слышания. Зов пробуждает спящее, неподлинное человеческое существование и пробуждает слышание. Причем, если обыденное состояние захвачено болтовней, двусмысленностью, шумом, то зов зовет бесшумно, молчаливо, но для человека зов совести воспринимается, как удар молнии. Он внезапен. Это всегда некое потрясение. Зов совести настигает человека и призывает его к своей самости. Зов совести зовет против ожидания и против нашей воли. Принимая зов, мы принимаем вызов. Мы выбираем самое себя. Также Хайдеггер отмечает, что прежде всего в голосе совести обнажается вина. Причем, бытие виновным — это не некое этическое состояние. Бытие виновным означает бытие задействованным. Быть-в-мире, а мы всегда в мире, — это уже и означает быть виновным. Быть виновным — это и есть собственно быть.

Личность озабочена тем, чтобы быть совестливой — это означает своеобразную незавершенность Dasein, которая означает также способность не столько рассчитывать, сколько брать на себя ответственность, принимать решение быть действительным Я.
В фундаментальной онтологии Хайдеггера понятие совести существенно отлично от традиционного ее толкования. Сам он счел нужным отметить четыре возражения против его интерпретации совести:

- во-первых, с точки зрения его критиков, совесть имеет существенно критическую функцию;

- во-вторых, она связана с определенными действиями, совершенными актуально или в помышлении;
- в-третьих, «голос» совести не коренится столь глубоко в бытии Dasein;
- в-четвертых, его, Хайдеггера, интерпретация не предлагает объяснения главным феноменам совести — «дурной» и «доброй», «порицающей» и «предостерегающей».

Касаясь последнего упрека, Хайдеггер утверждает, что сам факт преимущественного внимания, уделяемого людьми «дурной» (в русской духовной традиции — «больной») совести, свидетельствует о том, что изначально совесть связана с виной — в согласии с его концепцией. Конечно, голос совести особенно громко слышен после свершения недоброго дела, но отсюда вовсе не следует, что феномен совести вторичен в отношении к деянию; напротив того, деяние лишь пробуждает совесть, которая составляет органичную, базисную характеристику человеческого бытия.

Хайдеггер не приемлет привычной для западного христианства религиозной интерпретации «голоса совести» как свидетельства присутствия в человеке божественного начала; и главный аргумент против западной христианской теологии тот, что «спокойная» совесть (очевидно, должная свидетельствовать о благочестии ее обладателя, что можно нередко встретить в житиях католических святых) вообще не относится к Dasein бытию. Но, что интересно, в православии подлинная жизнь подвижника — это жизнь, в которой вскрываются и предстоят перед ним всё новые и новые пласты его греховных, неистинных мыслей, чувств, поступков.

Для меня «совесть» является характеристикой человеческого бытия. Совесть позволяет осознать изначальность вины как долга перед самим собой и отказа от неподлинного существования. В совести существование открывается самому себе. Зов совести как призыв к человеческому бытию (моему собственному) стать самим собой, обрести свою подлинность. Голос совести возвращает меня к самой себе, и я беру на себя ответственность быть самой собой.

Как правило, совесть проявляет себя как следствие содеянного. Но благодаря Хайдеггеру, я взглянула на это по-другому. Деяние лишь пробуждает совесть, которая является частью моего бытия. Совесть не есть нечто внешнее, а внутренне присущее мне самой.

Человек — единственное существо, которое может принять мир как целое и себя как целое, как «произведение», поэтому человек сам виновен в том, будет или не будет он «творением». Человек виновен изначально — он виновное бытие. Совесть есть то, что позволяет осознать изначальность вины — долга перед самим собой, отказ от неподлинного существования. Совесть не средство искупления вины, а способ подлинного существования. В совести существование открывается самому себе. Совесть — это разглядывание человеком своих душевных состояний, это добровольный уход в тревогу. Совесть — это то, что беспокоит, это источник «заботы». Если человек не осознает, что он виновное бытие, что он «заброшен» в бытие и что от него зависит, будет ли он «произведением», то тогда он обозначает только свое «наличие» и от этого страдает. Страдает, так как он разорван, нецелостен. «Наличие» не позволяет проявиться «потаенному», истине, только «...творение раскрывает присущим ему способом бытие сущего. В творении совершается это раскрытие — обнаружение, то есть, истина сущего».

Человек сам виновен в том, будет ли он «произведением», «явит» ли он свое

«потаенное», каким он не есть, но мог бы быть. Никто за него не сделает его выбор.

И если виновен я сам, то бессмысленно искать вину невозможности осуществить себя как «творение» в ком-то или в чем-то другом. Обвиняя других, человек снимает ответственность с себя. Но человеку страшно осознать «вот-бытие» в себе, поскольку это приводит его к осознанию «ничто», пустоты, к осознанию бытия-к-смерти. И ему легче уйти от этого осознания, приняв на себя какую-либо роль в мире. Альтернативой маскам и ролям является вина и совесть, которые не дают прекратиться человеческой «заботе» о своём бытии.